

Лица
и
Лицедей

Фёдор
Раззаков

МАКСИМ

ГАЛКИН

УЗНИК ЗАМКА ГРЯЗЬ

Тёмные пятна нашего
шоу-бизнеса

Федор Ибатович Раззаков
Максим Галкин.
Узник замка Грязь
Серия «Лица и лицедеи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444113
Максим Галкин. Узник замка Грязь: Алгоритм; М.: 2013
ISBN 978-5-4438-0253-4

Аннотация

Сложилось мнение, что Максим Галкин – этакий везунчик, который достиг своего положения и многомиллионного состояния с помощью искрометного таланта. Но если копнуть глубже, то выяснится, что карьера пародиста вряд ли смогла бы развиваться столь стремительно, если бы не поддержка влиятельных лиц: чиновников из Администрации президента, телебоссов, мэтров юмористики, а также воротил шоу-бизнеса. Примадонну нашей эстрады Аллу Пугачеву тоже можно причислить к этому списку, поскольку на сегодняшний день она является одной из влиятельнейших особ не только в российском шоу-бизнесе, но и в провластных структурах. Вот и свой знаменитый замок Максим Галкин возводил отнюдь не один, а с помощью тех, кто помог ему не только сколотить миллионы, но и заполучить гектар земли в одном из престижных районов Подмосковья. Символично и

название деревни – Черная Грязь, где вознесся этот замок. Построенный на деньги от нефтяного бума («черного золота»), он стал не только символом успешности хозяина, но и всей той грязи, что накрыла нашу страну в эпоху дикого капитализма по-русски.

Содержание

Часть первая	5
Сын настоящего полковника	5
Сын «малого народа»	20
На пути к первым миллионам	31
Часть вторая	56
Колониальная любовь	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Федор Ибатович Раззаков Максим Галкин. Узник замка Грязь

Часть первая Жизнь до грязи

Сын настоящего полковника

Максим Галкин родился 18 июня 1976 года в Наро-Фоминском районе Московской области в семье военного: его отец, Александр Александрович Галкин (6.10.1935), служил офицером в бронетанковых войсках. Родом он был с Урала, из русской рабочей семьи. Закончив среднюю школу в первой половине 50-х, он поступил в Ульяновское танковое училище. После его окончания (1958), был распределен в войска, где начал свою службу с должности командира взвода.

В начале 60-х Галкин уже дорос до должности заместителя командира роты. Тогда же и женился на 20-летней студентке физмата Наталье Григорьевне (16.01.1941). Она была родом из Одессы: родилась в еврейской семье с одесско-ли-

товскими корнями. Вскоре у молодых родился первенец – сын Дмитрий (22.11.1964).

Рождение сына совпало с поступлением Галкина-старшего в Военную академию бронетанковых войск имени Р. Я. Малиновского, которую он благополучно закончил в 1968 году. Это позволило ему значительно улучшить свою военную карьеру: Галкин стал начальником артиллерии полка, перебрался служить поближе к Москве. А в середине 70-х он пошел еще дальше – поступил учиться в Военную академию Генерального штаба. Его супруга Наталья трудилась в научной сфере: стала кандидатом физико-математических наук и работала в должности старшего научного сотрудника, а сын Дмитрий учился в школе. Короче, в дружной семье Галкиных жизнь текла вполне размеренно, и казалось, ничто не может поколебать ее спокойного течения. Но это оказалось не так. Окруженная двумя мужчинами, Наталья Григорьевна вынашивала мечту родить еще одного ребенка – девочку. Однако каждый раз разного рода обстоятельства мешали осуществиться этой мечте. Но в середине 70-х ситуация оказалась как никогда благоприятной. Единственный сын уже достаточно подрос и мог стать достойным помощником матери в деле воспитания новорожденной. Не был против и Галкин-старший, который прекрасно понимал, что если не сейчас, то уже никогда (в январе 1975 года Наталье Григорьевне исполнилось 34 года). Короче, все члены семьи Галкиных хотели очередного прибавления в семействе. И оно

случилось. Правда, на свет родилась не девочка, а еще один мальчик, которого называли Максимом. Причем имя новорожденному придумал его 13-летний брат, а родители с этим предложением согласились.

Отметим, что 18 июня 1976 года было пятницей. Вечером того дня свой третий в том месяце концерт давал в столичном Театре эстрады на Берсеневской набережной Ленинградский театр миниатюр во главе с великим сатириком Аркадием Райкиным. Вспомнилось это не случайно. Как мы знаем, Максиму Галкину суждено будет стать не военным, как мечтал его отец, а артистом эстрады – юмористом. И хотя родился он не в Москве, а в 55 километрах от нее (в Наро-Фоминском районе, где его семья в то лето отдыхала вдали от городской суеты), однако, видимо, флюиды райкинского таланта были настолько всепроникающими, что добрались даже за пределы Московской кольцевой автодороги.

Коль уж речь у нас зашла о людях, которым суждено оказать определяющее влияние на героя нашего рассказа, мы просто не можем упомянуть еще одно имя – Аллы Пугачевой. Хотя в ту пору она, в отличие от Райкина, только находилась на подступах к своей всесоюзной славе, однако определенный вес в эстрадной тусовке уже имела. И без дела в том памятном июне 1976 года тоже не сидела. Была она в ту пору солисткой популярного вокально-инструментального ансамбля «Веселые ребята» и 22—27 июня (к тому времени Наталья Григорьевна Галкина уже благополучно выпи-

салась из роддома) выступала с ним на эстрадной площадке ВДНХ. Естественно, Алла Борисовна даже представить себе тогда не могла, что в те самые дни на свет появился мальчик, которому 35 лет спустя суждено будет стать ее очередным супругом – самым юным из всех остальных. Тем более что в те годы Алла Борисовна предпочитала иметь возле себя в качестве мужей или любовников мужчин старше себя (напомним, что будущая примадонна родилась 15 апреля 1949 года). Например, руководителя «Веселых ребят» Павла Слободкина (1945 – разница в 4 года) или руководителя Государственного оркестра Армении Константина Орбеляна (1928 – разница в 21 год). А в ноябре 1976 года, когда Максиму Галкину исполнится 5 месяцев, подле Пугачевой окажется мужчина, которому суждено будет стать ее вторым официальным супругом. Речь идет о кинорежиссере Александре Стефановиче (1944 – разница в 5 лет).

Но вернемся к Максиму Галкину.

По его же собственным словам, талант пародиста проснулся в нем достаточно рано – лет этак в 4—5. Это было не удивительно, учитывая то, какой популярностью пользовался в СССР в те годы сам жанр пародии. А главной все-союзной площадкой для популярных пародистов, без сомнения, была телепередача «Вокруг смеха», которая начала выходить в 1978 году и которую юный Максим Галкин наверняка видел. Здесь стоит несколько отвлечься и хотя бы вкратце рассказать о самом жанре пародии (согласно эстрадной эн-

циклопедии: это номер в спектакле, основанный на иронической имитации (подражании) как индивидуальной манеры, стиля, характерных особенностей и стереотипов оригинала, так и целых направлений и жанров в искусстве).

Своими корнями пародия уходит в античное искусство, а в России издавна присутствовала в скоморошных играх, балаганных представлениях. В советские годы она благополучно продолжила свое существование и даже более того – обрела новые формы. Однако портретная пародия (имитация голоса того или иного артиста), которую возьмет за основу М. Галкин, на советской эстраде вышла на первый план в 60-е годы. Самыми известными пародистами тогда считались Зиновий Гердт, Юрий Филимонов, Геннадий Дудник. В следующем десятилетии среди пародистов блистали Виктор Чистяков, Геннадий Хазанов, Владимир Винокур. Увы, но первый (кстати, самый талантливый) проработал на эстраде до обидного мало – всего около трех лет, после чего трагически погиб в авиакатастрофе в мае 1972 года. Если бы не эта трагедия, Чистяков мог стать самым выдающимся советским пародистом (особенно искусно он имитировал певцов: Клавдию Шульженко, Людмилу Зыкину, Эдиту Пьеху, Майю Кристалинскую и др.).

Короче, Максиму Галкину было у кого учиться и кому подражать, сидя либо у телевизора, либо слушая пародистов по радио и с виниловых пластинок, которые тогда были практически в каждой советской семье. В итоге уже с четырех лет

он стал имитировать голоса... своих родителей. Особенно хорошо он это делал в отношении матери, которая любила говорить по телефону и делала это порой настолько эмоционально, что юный Максим просто не мог пройти мимо этого. Однако не одной только пародией ограничивалось дело.

В самом начале 80-х Галкина-старшего распределили служить в ГДР. Причем ни кем-нибудь, а начальником вооружения Группы советских войск. Там семья Галкиных прожила более трех лет (1980—1983). Местом их проживания стал городок Нора (с ударением на «о»). Среди советских жителей этого города в ходу была шутливая присказка: «Есть в Германии дыра под названием Нора». Что тут можно сказать – только одно: люди явно с жиру бесились. Если бы их отправили служить в какую-нибудь нору где-нибудь под Чебоксарами, они бы сразу оценили преимущества гэдээровской Норы.

Войсковой штаб в Норе размещался в бывшей школе абвера (так называлась военная разведка в нацистской Германии). В квартирах, где жили советские офицеры, было много мебели, относящейся к временам нацизма. Вот и у полковника Александра Галкина был такой эксклюзив – диван, который они в шутку называли гитлеровским. В свое время на нем восседали офицеры вермахта, а потом наступила пора на него взгромоздиться уже победителям – офицерам Советской армии. Частенько сживал на нем и юный Максим, болтая ножками и распевая веселые песни из репертуара дет-

ского хора под управлением В. Попова. На этом же диване он репетировал и свою первую серьезную роль – цыпленка в детсадовском спектакле. Для этой роли мама сшила Максиму красивый костюмчик с перышками.

Именно во время пребывания в ГДР его родители, да и сам Максим (хотя он этого доподлинно и не помнит) лично познакомились с Аллой Пугачевой. Произошло это в марте 1982 года, когда певица вместе со своим аккомпанирующим ансамблем «Рецитал» почти месяц (1-28 марта) гастролировала по Восточной Германии, выступая не только в крупных городах, но и в мелких, вроде военных городков советской группы войск. Заглянула она и в Нору, где дала полуторачасовой концерт. После него был дан банкет, на котором присутствовало все тамошнее советское военное руководство, включая и их жен. В самом начале банкета (а может быть, и в самом его конце) мама Максима подошла к Пугачевой и сообщила ей, что их пятилетний сын весьма позитивно относится к творчеству Аллы Борисовны. По словам мамы: «Как только Максим видит вас по телевизору, тут же кричит на весь дом: «Идите сюда – Пагачева поет!» Так что заочное знакомство будущей Примадонны с самым ее молодым супругом произошло в тот момент, когда последнему было всего пять лет. Вот такие невообразимые кульбиты иногда происходят в жизни. Впрочем, в случае с Пугачевой история с Галкиным станет второй по счету. А первой будет история с Филиппом Киркоровым – еще одним ее супругом из разряда

МОЛОДЫХ.

Как известно, Филипп является сыном певца Бедроса Киркорова, который в свое время (60—70-е годы) был весьма популярен в СССР. Иной раз они пересекались с Пугачевой на разных концертных площадках, и во время этих встреч рядом с Бедросом порой был его сын школьник (он родился в 1967 году, а Пугачевой он впервые попался на глаза в 11-летнем возрасте). Естественно, что и в этом случае никому и в голову не могло прийти, что этот чернявый мальчик, буквально боготворивший Пугачеву (подражая ей, он частенько надевал дома женские наряды), в итоге станет ее четвертым официальным супругом.

Но вернемся к герою нашего рассказа – Максиму Галкину. После трехлетнего пребывания в Восточной Германии полковника Галкина и его семью вернули на родину. Что, кстати, можно назвать большим везением. Задержись Галкин-старший в ГДР еще лет на 6—7, и пришлось бы ему, что называется, улепетывать из ГДР в дикой спешке, поскольку горе-реформатор Михаил Горбачев развалил весь Восточный блок и сдал натовцам всю тамошнюю советскую инфраструктуру, которую наши солдаты потом и кровью создавали последние три десятка лет. В ельцинские годы мы узнаем, какие дикие махинации происходили в те годы в той же ГДР с советским вооружением – его распродавали направо и налево, наживая на этом миллионы. Галкин-старший эту вакханалию не застал – его чаша сия миновала.

Возвращенный на родину, полковник Галкин был отправлен в Одессу все на ту же должность начальника вооружения, но уже Одесского военного округа. Особенно была рада этому переводу Наталья Григорьевна Галкина, что понятно: во-первых, это все-таки родина, во-вторых – Одесса всегда славилась обилием евреев, что для мамы Максима было фактором немаловажным. Все-таки жить среди своих соплеменников гораздо комфортнее, чем среди немцев. Те хотя и вели себя толерантно, но все-таки шлейф холокоста за ними тянулся.

В Одессе семейство Галкиных прожило еще три года (1983—1986). Именно там Галкин-старший получил звание генерала, а Галкин-младший отправился в первый класс одной из тамошних средних школ. А на излете третьего класса, уже перед очередным отъездом, Максима торжественно приняли в пионеры под морозящим с неба дождем. Несмотря на давность происшедшего, это событие запечатлелось в его памяти на всю жизнь (вполне обычная история для большинства бывших пионеров: лично я тоже хорошо помню это волнительное событие, которое происходило на Красной площади весной 1972 года). А вот как Максим вспоминает о своем одесском периоде жизни:

«Вода в море была удивительная. Ее температура могла поменяться резко – за одну ночь. Помню, маленьким купался в море вечером. Вода прогрелась до 29 градусов! Утром прибежал и, не трогая воду ногой, с разбегу сиганул с мости-

ка. А она градусов 10 всего! За ночь пришло холодное течение. Вылетел оттуда пулей!

В Одессе берег сползает к морю, глина отваливается пластами, только центр города забетонирован. Я все время боялся, что наша дача в поселке Чабанка, которая располагалась на самом берегу, туда сползет. Места были красивейшие: за забором росла разноцветная высокая мальва, вокруг летали шмели, пчелы и бабочки. Я любил за ними наблюдать...

Какое-то время Одесса была в запустении, а сейчас преобразилась: все пляжи почищены, есть среди них частные со всеми благами цивилизации – зонтиками, барами, кафе, полотенцами, шезлонгами. Дерibasовская тоже прекрасна – вся в иллюминации и в ресторанах. У меня нет среди них любимых: в Одессе вкусно везде. В этом городе приятно гулять. Много каштанов и платанов, особенно на улице Пушкина и Французском бульваре, который раньше назывался Пролетарским. Он весь в булыжнике, и когда по нему едешь – ощущение, что передвигаешься по Красной площади. Одессу нужно чувствовать интуитивно. Есть города, впечатления о которых составляешь по их достопримечательностям. Когда мы говорим о Париже, перечисляем: Елисейские Поля, Эйфелева башня, Лувр... Одесса относится к городам, которые по достопримечательностям узнать нельзя. Чтобы почувствовать Одессу, надо пойти на привоз – это рынок широкого развала – и попытаться что-то купить. Весь колорит Одессы там! Летом я везу оттуда помидоры «Бычье сердце».

Привоз недалеко от вокзала. Вокзал тупиковый. Когда я жил в Одессе, произошел любопытный случай. Машинист то ли заснул, то ли зазевался – и тепловоз на всех парах выехал на перрон, расколол его надвое. Такое могло произойти только в Одессе!..

В Одессе живут особенные люди. У них абсурдное мышление, специфический юмор и манеры. Там всегда отвечают вопросом на вопрос. А когда ты спрашиваешь, как пройти до какого-нибудь места, обязательно говорят, куда идти не надо. Особенно грешат этим пожилые одесситы. Я сам с этим часто в детстве сталкивался. Спрашиваю: «Как пройти на улицу Строителей?» – «Вот вы сейчас пойдете прямо-прямо, там будет поворот, так вам туда не надо, пройдете дальше, увидите – киоск стоит, так вам к нему не надо, поворачивайте в другую сторону, идите дальше. Увидите вывеску, туда тоже не идите...» И вот он десять раз скажет, куда тебе не надо, а потом забудет сказать, куда надо. Очень смешно, я все время на это попадался!

Соседи у нас были забавные. Как-то соседка по даче пришла на запах еды и сказала: «Дайте две котлетки взаймы, а то гости пришли – кормить нечем». В Москве максимум за чем приходят – за солью...».

Еще, конечно, яркое воспоминание – посещение Театра оперы и балета в Одессе. Мой дед Григорий Прагин в юности подрабатывал там осветителем. До самых сединок он много опер помнил наизусть. Одесский оперный всегда был очень

красив...»

Кстати, дед Максима оставил в его душе неизгладимый след. По словам нашего героя: «Если меня спросят, кто тот человек, на которого ты равняешься, я бы назвал своего деда – Григория Робертовича Прагина. Для меня дедушка был всегда ориентиром в жизни и образцом для подражания. Он прошел всю Великую Отечественную. Во время войны после гибели командира бригады, будучи его заместителем, дед вывел танковую бригаду из немецкого окружения с потерей всего одного танка (и тот просто в болоте застрял). Был представлен за это к Герою Советского Союза, но из-за пресловутой пятой графы звезду не получил. В мирное время до 70-летнего возраста дедушка блестяще руководил конструкторским бюро. Для меня дед был всегда источником житейской мудрости, и, если в нашей семье надо было спросить у кого-то совета, и я, и мой брат, и мои родители шли за советом к деду. Если называть кого-то кумиром, я бы назвал его...»

Кстати, по поводу «пятой графы». В годы войны в рядах Красной Армии служило примерно 500 тысяч евреев. Из них звания Героя Советского Союза были удостоены 153 человека. Казалось бы, немного. Но по количеству награжденных этим высоким званием евреи занимали ни много ни мало 5-е место. Перед ними шли: русские (8182 Героя), украинцы (2072), белорусы (311), татары (161).

Итак, в Одессе Максим проучился в школе три года, после чего вынужден был вместе со своими родителями вновь

срываться с насиженного места. На этот раз их путь лежал в Забайкалье, в столицу Бурятии город Улан-Удэ, куда Галкина-старшего назначили с повышением – назначили заместителем командующего войсками Дальневосточного военного округа. Жили Галкины в военном городке Сосновый Бор, что в 30 километрах от Улан-Удэ и в 100 километрах от озера Байкал (кстати, Галкины часто возили обоих своих сыновей отдыхать на это озеро). Заметим, что Максим научился плавать примерно в пять лет, благодаря отцу. Это случилось в Крыму, в Алуште, в военном санатории около Медведь-горы. Когда они приезжали в этот санаторий, Максим много нырял, собирал камни, ракушки.

Учился Максим в школе № 5 Улан-Удэ, куда от военного городка было минут двадцать ходу. Наш герой покрывал это расстояние не один, а с группой своих одноклассников. И всю дорогу «травил» им разные байки, которые сочинял на ходу. По его же словам:

«Заводилой я был всегда. Мы шли вместе с одноклассниками до школы, и я рассказывал им фантастический роман, придумывая его на ходу. Межпланетная история, в которой действовал некий Персиваль, полусумасшедший путешественник. А еще у меня была игрушка, такая, знаете, чтобы вешать на стекло автомобиля – чертенок, которого я называл Бесеша. И по вечерам я рассказывал товарищам про него истории. Удивительно другое – товарищи все это слушали! Так сказать, потребляли продукт...»

Так длилось чуть больше двух лет (1986—1988), после чего Галкиным вновь пришлось собираться в путь. Но на этот раз эти сборы были куда более радостными, поскольку ехать им пришлось не в новую «тмутаракань», а в самую Первопрестольную, то бишь в Москву. Дело в том, что к тому времени началась уже горбачевская перестройка, которая внесла существенные изменения в кадровый состав советских вооруженных сил – там начались массовые пертурбации. Особенно сильными они стали после того, как 28 мая 1987 года на Красной площади приземлился спортивный самолет с гражданином ФРГ Матиасом Рустом. Судя по всему, это была ловко подстроенная провокация со стороны Горбачева и К° с тем, чтобы подвести под сокращение верхушку Министерства обороны СССР. После столь вопиющего «прокола» со стороны советских ПВО был снят с должности министр обороны СССР Сергей Соколов, а также еще несколько десятков высокопоставленных офицеров. Эти пертурбации расчистили дорогу таким, как Галкин-старший.

Как мы помним, в 1985 году он был назначен замкомандующего войсками Дальневосточного военного округа. Командующим в ту пору был Дмитрий Язов. Буквально накануне прилета Руста в Москву (в январе 1987 года) Язова перевели в столицу и назначили начальником ГУКа – Главного управления кадров Минобороны СССР. А спустя четыре месяца, когда грянуло «дело Руста», Язов сменил на посту министра обороны «проштрафившегося» Сергея Соко-

лова. Это оказалось на руку Галкину-старшему, у которого за время знакомства с Язовым установились с ним хорошие отношения. В итоге новый министр поспособствовал тому, чтобы в 1988 году отец героя нашего рассказа перебрался в Москву, заняв должность заместителя начальника (а потом и вовсе начальника) Главного автобронетанкового управления МО СССР.

Сын «малого народа»

Таким образом, в 12-летнем возрасте Максим Галкин стал москвичом. Кочевая жизнь по военным городкам и гарнизонам для него благополучно завершилась. Впереди его ждала новая жизнь, в которой весьма существенную роль будут играть соплеменники его матери – без сомнения, представляющие одну из самых сплоченных наций на земле. Речь идет о евреях. В случае с Максимом началось это с нового учебного заведения, куда он попал осенью 1988 года, став учеником 6-го класса средней московской школы № 43 имени Ю. А. Гагарина, что на улице 26 Бакинских Комиссаров, рядом со станцией метро «Юго-Западная» (теперь это гимназия № 1543). Данная школа была открыта осенью 1975 года и довольно скоро приобрела у местной учащейся молодежи негласное название «Синагоги» за обильное представительство в ней евреев – как среди преподавательского состава (С. Либерова, Б. Гейдман, Л. Кацва, Л. Гуткина, В. Арнольд, Е. Эткина, М. Гинзбург, Ю. Завельский – он же директор школы, пробывший на этом посту почти 30 лет), так и среди учеников. Скажем прямо, во многом благодаря своей национальной ориентации, эта школа достаточно быстро стала одним из самых сильных в интеллектуальном отношении учебных заведений в столице. В нем царил культ знаний, где от учащихся буквально требовали хорошо учиться, в против-

ном случае они становились своего рода изгоями – таковых могли заклевать как учителя, так и одноклассники.

Правда, была у этой школы и оборотная сторона медали, связанная все с тем же негласным ее названием. Дело в том, что преподавательский состав, в котором, как уже отмечалось, было много евреев, чаще всего тянул наверх учеников из рядов своих соплеменников. Известно, что в советские времена после 8-го класса слабые ученики обычно отсеивались в ПТУ и техникумы. Однако в 43-й школе, по воспоминаниям ее же учеников, детей еврейской национальности, имеющих худшую успеваемость, старались в стенах школы сохранить, следуя принципу «пусть плохой, зато свой».

Итак, 1 сентября 1988 года Максим Галкин переступил порог школы № 43 в качестве ученика 6 «А» класса. Скажем прямо, несмотря на то, что до этого ему часто приходилось переезжать с места на место и дважды менять школы (например, первые три класса он закончил в Одессе, после чего два года учился в Улан-Удэ), учился он везде хорошо. Поэтому «культом знаний», царившим в школе № 43, его было не испугать. Так что в новый коллектив он влился безболезненно и изгоем там не стал. Порой даже хулиганил, за что бывал иногда вызван «на ковер» – в директорский кабинет. Об одной такой истории сам Галкин вспоминает следующее:

«Однажды папа привез из командировки из Китая петарды, и самую крупную я под учительницу подсунул. Это был примерно 1988 год. Тогда у нас петарды еще не продавались.

И такая петарда жирнющая, сарделька, я ее поджег и покатил, и она прямо под ней взорвалась. Это была практикантка, она орала, визжала, побежала к директору, меня вызвали в кабинет. Правда, до родителей эта история так и не дошла...»

Уже спустя несколько месяцев после начала занятий Галкин умудрился провести свой первый... творческий вечер. Надо отметить, что в школе № 43 подобные вечера были в большой моде, поскольку помимо культа знаний тамошний преподавательский состав активно поощрял со стороны учеников любую инициативу, способствуя развитию в них всяческих талантов. Для этого в школе существовал собственный школьный театр и ежегодно проводился День культуры, во время которого ученики разных классов силами собственного театра ставили спектакли по произведениям как русско-советских, так и зарубежных классиков. При этом постановщиками этих представлений обычно выступали преподаватели школы. Например, в галкинском классе таковой была учительница литературы (а также классная руководительница 6 «А») Галина Петровна Лазаренко. Поскольку эта женщина сыграла в судьбе героя нашего рассказа немаловажную роль, стоит рассказать о ней более подробно.

В 43-ю школу она пришла преподавать в 30-летнем возрасте – в 1981 году. И достаточно быстро завоевала любовь своих учеников, поскольку была не только прекрасным специалистом в своей области, но и неординарным человеком. Например, стараясь воспитать в своих учениках способность

к самостоятельному мышлению, она разрешала им высказывать любую точку зрения на своих уроках, после чего шло совместное обсуждение сказанного. В своем подходе к обучению литературе Лазаренко шла даже на радикальные меры: например, она запрещала ученикам приносить на ее уроки учебник литературы, предпочитая выстраивать урок по собственным лекалам. По этому поводу позволю себе привести на этих страницах воспоминание одной из учениц Г. П. Лазаренко – одноклассницы героя нашего рассказа Н. Макаровой (кстати, она пришла в 43-ю школу вместе с Галкиным – в 6-м классе), которое мне удалось обнаружить на официальном сайте гимназии № 1543. Цитирую:

«Я ужасно страдала на уроках литературы, совершенно не успевая за темпом урока, я могла только записывать, отвечать просто не успевала. В моей старой школе нас не учили обсуждать, высказывать свое мнение, мне пришлось этому учиться. Она (Г. П. Лазаренко. – *Ф. Р.*) давала каждому шанс...».

Судя по описанному, эта учительница напоминала собой тот образ, который был весьма распространен, например, в советском кинематографе. Вспомним хотя бы таких киношных персонажей, как учитель истории Мельников из «Доживем до понедельника» (эту роль исполнил Вячеслав Тихонов) или учительница Девятова в «Розыгрыше» (актриса Евгения Ханаева).

Г. П. Лазаренко старалась быть для своих учеников не

только учителем, но и другом. Для этого она устраивала им бесконечные походы и экскурсии, водила их на спектакли в столичные театры, приобщая к высокому искусству, сама ставила спектакли с учениками в школьном театре, а также приглашала в школу профессиональных чтецов, устраивая литературные концерты. Дважды в год – 1 сентября (в первый учебный день) и 13 января (в свой день рождения) она собирала учеников подотчетного ей класса у себя дома на посиделки: они пили чай и вели разговоры на самые разные темы. Как вспоминают теперь ее бывшие ученики, она была для них нравственным ориентиром, бескомпромиссным борцом с подлостью и несправедливостью, учила мыслить, а не цитировать.

Именно Лазаренко способствовала тому, чтобы шестиклассник Максим Галкин провел в стенах школы № 43 свой первый творческий вечер. Это был кукольный спектакль под названием «Шесть Наполеонов» по мотивам произведений А. Конан Дойля. Причем представление было весьма оригинальное, условное – в нем роли героев (Шерлока Холмса, доктора Ватсона, мисс Хадсон) исполняли... куклы-звери: волки, козлики, а Наполеонами были матрешки. Куклы Галкину купили его родители, когда они еще жили в Германии. Они же помогли сыну сделать декорации (помощь была от отца) и сшить костюмы (эту обязанность взяла на себя мама). Что касается Максима, то он показал себя «жнецом, кузнцом и на дуде игроцом» – то есть предстал во множе-

стве ипостасей: был осветителем (ставил свет на сцене), рабочим (воздвигал декорации), кукловодом (надевал кукол на руку и манипулировал ими), а также говорил за всех героев (одна из кукол, например, вещала голосом одного из преподавателей, что вызвало особенный восторг у зрителей).

После этого спектакля, где Галкин явил себя перед своими одноклассниками как искусный манипулятор и имитатор голосов, он стал часто привлекаться в качестве актера для спектаклей школьного театра. За последующие годы (1989—1993) он переиграл несколько ролей, среди которых были Остап Бендер, царь Соломон, дон Карлос, граф Нулин и даже... старик-алкоголик и собака.

Впрочем, было бы неверно говорить о том, что уже в школе Галкин определился с выбором своей будущей профессии – решил стать актером. Нет, у него были и другие пристрастия. Например, одно время он увлекся биологией и мечтал поступить на биологический факультет. Но когда на одном из уроков дело дошло до показа органов пищеварения голубя и учитель показал птицу в разрезе, интерес Галкина к этому предмету резко упал. И хотя на успеваемости это не отразилось, мысли о профессии отпали сами собой.

Затем, под влиянием все тех же уроков литературы, а также зарубежной классики, которую Галкин запоем читал (книги Вальтера Скотта, Марка Твена, Конан Дойля, Джона Рида, Луи Буссенара, Клиффорда Саймака, а также ранние произведения Кнута Гамсуна), он решил посвятить себя ли-

тературному поприщу. И начал писать роман под названием «Сила мрака» – некий симбиоз авантюрного романа «аля Луи Буссенар» и фантастики Клиффорда Саймака. Однако и здесь Галкина хватило ненадолго: он сумел одолеть всего лишь несколько десятков страниц, после чего понял – это тоже не его поприще.

Зато на школьной сцене наш герой чувствовал себя как рыба в воде. Уже тогда он понял, что у него почти абсолютно отсутствует страх перед публикой и даже наоборот – она его заводит. Поэтому в школьных спектаклях и на разного рода капустниках Галкин был буквально незаменим. Причем особенно ему удавались юмористические роли, но главным его «коньком» были пародии – сначала на учителей, а чуть позже и на известных людей. Например, в самом начале 90-х Галкин случайно увидел по ТВ выступление Геннадия Хазанова, который пародировал действующего Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента страны Михаила Горбачева. Максиму это выступление настолько понравилось, что он решил проделать то же самое – дома перед зеркалом спародировал Горбачева. Потом показал это своим близким, чуть позже – одноклассникам. По их реакции понял – пародия удалась.

В тех же школьных капустниках он продолжал пародировать учителей (покушался даже на директора школы Ю. Завельского, который вел у них географию), а также продолжал играть в школьном театре. Его последней ролью на этом

поприще стала роль графа Нулина в одноименном спектакле по А.С. Пушкину. Было это весной 1993 года, и снова в роли постановщика спектакля выступила классная руководительница героя нашего рассказа Г. П. Лазаренко. Представление было показано на традиционном Дне культуры, который в том году был посвящен сатире и юмору в мировой культуре.

Окончив школу с отличным аттестатом, Галкин летом 1993 года направил свои стопы в Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ – бывший Историко-архивный институт), на факультет лингвистики. Почему именно туда, а, например, не в какой-нибудь творческий вуз? Дело в том, что родители Максима не считали актерскую профессию чем-то серьезным, тем более тогда, в первой половине 90-х, когда она чуть ли не рухнула в пропасть, превратившись в одну из самых малопочитаемых. В те годы из творческой среды на плаву остались разве что эстрадные артисты (в основном певческого направления), а также телевизионщики. А вот актеры театра и кино остались у разбитого корыта. Вот что говорит об этом сам Максим:

«Меня «понесло» в лингвистику. В семье считалось – уж извините, – что артист и журналист это не профессии. Точнее, это профессии, которые могут быть вторыми, а не первыми. Надо получить образование, а потом ты можешь стать кем угодно. А я всегда прислушивался и прислушиваюсь к мнению родителей. Вроде есть способности к математике и к языкам. Я выбрал лингвистику. У меня в дипломе написано:

структурная и прикладная лингвистика...»

Однако наука наукой, но и про пародийное творчество Максим тоже не забывал. Слишком крепко оно засело в его подкорке, чтобы взять и бросить. Поэтому в свободное от занятий время он продолжал заниматься юмористикой, правда, на любительском уровне: делал пародии на известных политиков и показывал свои номера на вечеринках друзьям.

На дворе было начало 90-х – время достаточно колоритное с точки зрения появления в тогдашней политике запоминающихся персонажей. Один лидер ЛДПР Владимир Жириновский чего стоил – он буквально просился в разного рода пародии. Следом за ним шли не менее яркие политики, вроде Бориса Ельцина, Виктора Черномырдина, Александра Лебеда, Руслана Хасбулатова, Григория Явлинского, Геннадия Зюганова. У каждого из них была своя неповторимая индивидуальность, которая выгодно отличала их от остальных персонажей того политического театра, который установился в постсоветской России. Галкин достаточно легко эти индивидуальности подмечал и, придавая им ярко выраженную гротескность, создавал весьма оригинальные пародийные образы.

Напомним, что учился наш герой в РГГУ, однако сценическое мастерство отправился шлифовать в Московский государственный университет (МГУ), где находился один из старейших студенческих театров страны, который возник еще в XVIII веке, а если точнее – 26 января 1756 года. Од-

нако только в XX веке, при Советской власти, он стал еврейским – значительное число актерского и режиссерского состава в нем составляли люди именно этой национальности. Поэтому неслучайно статус официального театра он получил во времена хрущевской оттепели, когда евреи вновь получили (в последний раз подобное происходило в 20-е годы) значительные преференции в советской идеологии – 6 мая 1958 года. А в декабре того же года при ДК МГУ был открыт Эстрадный студенческий театр, который удостоился весьма символического названия «Наш дом», а его создателями выступили трое евреев: Александр Аксельрод, Илья Рутберг и Марк Розовский. А благословил «Наш дом» главный сатирик-еврей Аркадий Райкин, который выступил с напутственным словом во время его открытия (чуть позже труппу этого театра будут называть «коллективным Райкиным»). Из стен этого театра выйдут такие артисты, как С. Фарада, А. Филиппенко, В. Точилин, Д. Спиваковский и др. В 90-е годы к этому сонму артистов суждено было быть причисленным и Максиму Галкину. Таким образом, начав свою актерскую карьеру в «Синагоге» (московской средней школе № 43), наш герой продолжил ее в Студенческом театре МГУ, где к евреям опять же всегда благоволили, давая им прекрасные перспективы на будущее. Причем так было при «жутко тоталитарной» Советской власти, так осталось и поныне – при «жутко демократической» Антисоветской власти.

В «Наш дом» Галкин попал на первом курсе – в конце

1993 года по объявлению. Он увидел его на стене в РГГУ и немедленно отправился по указанному адресу. Максима посмотрел его соплеменник – преподаватель Евгений Иосифович Солотин, который разглядел в нем несомненный талант, и уже спустя несколько месяцев состоялся дебют Галкина на сцене театра МГУ: в апреле 1994 года он сыграл в спектакле «Фонтаны любви к ближнему» (чуть позже его ввели в другую постановку – «Кабаре 03»). И все же не этими драматическими ролями он обратил на себя внимание широкой публики, а своими пародиями на известных российских политиков. Их он включил в свою первую сольную интермедию под названием «Переключая каналы», которая имела большой успех. В смысле сюжета в этом номере не было ничего оригинального – подобным образом до него «щелкали» телевизионными каналами многие артисты. Однако было там и галкинское ноу-хау – портреты популярных политиков – так еще никто не показывал. Тем более что было Галкину в ту пору всего... 17 лет. В итоге уже очень скоро его стали брать на «халтуру»: несколько актеров студенческого театра выступали по разным столичным клубам и привлекли к этому делу Галкина. Таким образом он заработал свои первые самостоятельные деньги – 100 долларов. Сумма небольшая, однако почин был сделан. Именно из этой «сотки» в итоге и вырастут последующие галкинские миллионы, на которые он отгрохает в подмосковной Грязи свой средневековый замок. Впрочем, не будем забегать вперед.

На пути к первым миллионам

Весной того же 1994 года произошло «боевое» крещение Галкина на куда более солидной сцене, чем клубная: он выступил на закрытии юбилейного сезона в Доме литераторов. На сцене сидели корифеи вроде знаменитого баснописца Сергея Владимировича Михалкова, а в зале были такие люди, как актер Михаил Глузский и директор Театра эстрады Борис Брунов. Кстати, последний сразу обратил внимание на молодое дарование и в том же году (в июне) предложил ему выступить на сцене своего театра в сборном концерте «Дебюты, дебюты, дебюты». Причем дело там было не столько в таланте юного пародиста, сколько в его... национальности: у евреев принято тянуть наверх именно своих. Если бы этого не было, отечественная эстрада недосчиталась бы многих знаменитых артистов. Вот как об этом рассказывает драматург Марьян Беленький (это он придумал образ тети Сони для юмористки Клары Новиковой):

«Еще в 70-е годы, куда бы я ни приходил, «на юморе» везде сидели евреи – концертные администраторы, режиссеры, редакторы рубрик юмора в радиопередачах, авторы, актеры, кассиры. В Киеве был еще украинский юмор, который писали украинские авторы и исполняли украинские актеры. А в Москве в те годы господство евреев в этом жанре было почти стопроцентным...

Помню и в 80-х я подошел к Лиону Измайлову – я, мол, эстрадный автор, возьмите меня в концерты. Он посмотрел на меня, как на таракана: «Нам своих нужно устраивать». Своих?! Но я ведь – тоже еврей и тоже автор... Он имел в виду московских.

Все это напоминало детскую игру: члены одной команды крепко берутся за руки, другой – пытаются эту оборону прорвать. Прорвать мало кому удавалось...».

Максиму Галкину удалось, поскольку он был не только талантлив, но и происходил из «московских». К тому же, в начале 90-х, после развала СССР, засилье евреев в юмористике было поколеблено, поскольку многие из них либо уехали из страны, либо перестали видеть в юморе источник верного заработка. В такой ситуации любое появление в поле зрения евреев-патриархов талантливой молодежи «из своих» должно было обратить на себя внимание.

Итак, в 1994 году Галкин впервые выступил на сцене Театра эстрады, однако до звездной славы было еще далеко. А пока Максим продолжал учиться на лингвиста и в свободное время выступал на сцене студенческого театра. С ним же впервые отправился в капиталистическую страну – в итальянский город Кварто, что под Неаполем, где проходил театральный фестиваль. На дворе был 1995 год. Вспоминает М. Галкин:

«Городок Кварто располагается прямо в жерле потухшего вулкана, рядом – Везувий, который периодически попыхи-

вает. Потрясающе!

Нас расселили по семьям. Я попал в семью станционного зрителя, коммуниста по убеждению. Коммунист он итальянский, поэтому жил в трехэтажном доме. Приятно быть коммунистом, если у тебя трехэтажный дом и ты обеспечен. Семья была большая: двое или трое своих детей и одна приемная девятилетняя девочка Антонелла. На пальцах они объяснили, что ее папа сидит в тюрьме. Семья не знала никакого языка, кроме итальянского, мне помогал французский. Приходилось общаться жестами. Одного из сыновей звали Мимо. Меня веселило это имя, и я даже пытался показать ему, что у нас в России означает это слово.

Станционный зритель, дядечка 50 лет, был очень правильным итальянским гражданином, но южная кровь давала о себе знать. Помню, как в воскресенье он повез меня в центр города – купить морепродукты в рыбной лавке для воскресного барбекю. Мы приехали в магазинчик, я был поражен: там было все, вплоть до башки акулы и рыбы-меч. Мы купили всякой вкуснятины, а когда возвращались, я сильно перенервничал. Станционный зритель всю дорогу – а ехали мы минут 15 – сидел вполоборота к рулю, потому что все время мне что-то рассказывал. В какой-то момент он стал зажигать сигарету, у него не получалось – и он бросил руль. В одной руке у него была зажигалка, в другой – сигареты, и пока совсем машина юзом не пошла, он руль не взял.

Трехэтажный дом, в котором я поселился, был разделен

на две части, как таунхаус. Во второй его половине жили соседи станционного зрителя. Своеобразная семья, и самый колоритный в ней был бандитского вида сынок лет 25—27, который говорил с абсолютно одесским акцентом, только по-итальянски. Интонации у него были, как у Жванецкого. Он был весь в татуировках, ходил с голым торсом, все время распальцованный – такой блатной. Как-то мы выехали в Неаполь, и соседшка обогнал нас на бешеной скорости с криками и улюлюканьем, высунувшись из окна автомобиля по пояс. Станционный зритель, тоже лихой водитель, осуждающе покачал головой: «Сумасшедший! Кто так ездит?!» Я был практически уверен: сосед – бандюган, наркоторговец или непутевый сынок-наркоман – такой у него был вид. Но вскоре с удивлением я узнал, что он стоматолог, очень уважаемый и пристойный чувак. Лечить зубы он ездил на мопеде, надев строгий классический костюм...

Чем меня поразил Неаполь, так это тем, что там все постоянно пытаются тебя обжулить. Например, в обменнике я хотел поменять на лиры, которые тогда были в ходу, 50 долларов. И получил сумму, которая была почти вдвое меньше, чем я дал. Смотрю на работника и говорю: «Я ж вам дал 50, а вы мне 20». Не помню, на каком языке изъяснялся, по-моему, на итальянском: «Cinquanta! Пятьдесят!» Он на меня посмотрел, понял, что номер не пройдет, – не опуская глаз, засунул руку в кассовый аппарат, вынул мои 50 долларов и сказал: «Ой, а я подумал, это 20». И с улыбкой вернул оста-

ток.

Неаполь – город весь солнечный, бесшабашный. Хотя и не слишком чистый. Но это не портит город. Неаполь пахнет как порт. А когда порт пахнет даже нечистотами, это нивелируется ветром, дующим с моря. Поэтому Неаполь – это запах моря и солнечной пыли. Вообще я не слишком запоминаю запахи. Зато я топографический гений. Если я однажды побывал в городе, независимо от того, через сколько лет туда возвращаюсь, очень хорошо все помню: расположение улиц, куда идти. А оказавшись в городе впервые, смотрю на карту, легко переношу ее на местность и ориентируюсь. Поэтому мне в любом городе комфортно...»

Тем временем сплоченное еврейское эстрадное сообщество продолжало оказывать молодому пародисту свою поддержку. Согласно его же собственным словам: «Первым меня показал по ТВ с двумя полноценными номерами Евгений Петросян в «Смехопанораме» (эта передача выходила на Первом канале с 1994 по 2004 год. – *Ф. Р.*). В Дом кино на «Ники» меня часто приглашал Юлий Гусман, в «Театр эстрады» – Борис Брунов...»

В эту сугубо мужскую компанию затесалась и одна представительница слабого пола – уже упоминаемая нами Клара Новикова, которая напутствовала Галкина добрым словом. Вот как об этом вспоминает сам герой нашего рассказа:

«Году в 97-м я выступал в цирке на Цветном бульваре и встретил Клару Новикову за кулисами. На ТВ меня еще не

было к тому моменту. Тогда в цирке тяжело было выступать – дети орали, деревянные сиденья хлопали, когда с них вставали... Степень невнимания колоссальная. И меня поразила Клара Борисовна, которая, выйдя на сцену, сделала кульбит, кувырок через голову, чем сразу привлекла к себе внимание зрителей. Ее выступление имело большой успех. Тогда она мне сказала: «У нас так трудно на эстраде, так тяжело. Это не простой хлеб. И я не знаю, как у вас сложится дальше».

Меня многие предупреждали, что будет очень тяжело. Чтобы я готовился к тому, что будут препятствия. Я не могу сказать, что мне было легко. Но на своем пути я тех препятствий, которые мне пророчили, не встретил. Может быть, я не ставил перед собой цели через два года стать известным, чтобы меня показывали по ТВ? Я жил не только этим. Занимался лингвистикой, образованием, не заикливался на эстраде. Но постоянно работал в этом направлении. Не было такого, что я просил кого-то подвинуться, раздвигал ряды, выгрызал себе место. Возможно, это потому, что я человек достаточно дипломатичный. Я вообще людей люблю! И терпим к чужим недостаткам. Меня так воспитали...»

И все же к моменту окончания РГГУ в 1998 году Галкин оставлял для себя возможность пойти по научному пути. Несмотря на то, что в эстрадном мире он был уже известен, родители советовали ему не «рвать концы» с наукой. Поэтому он и поступил в аспирантуру, где даже стал работать над кандидатской диссертацией по теме «Соотношение сти-

листических систем оригинального и переводного текстов», в которой предполагалось рассмотреть переводы на русский язык трагедии Гете «Фауст» и сделать анализ их стилистических различий.

Впрочем, поступление в аспирантуру могло быть вызвано и сугубо практической целью – избежать призыва в армию. Конечно, для этого можно было использовать обширные связи отца в армейской среде, но это был путь, скорее, нелегальный. А вот аспирантура была тем самым легальным способом, который позволял дожидаться окончания призывного возраста и со спокойной душой отпрапортовать: в армию не пошел по причине учебы в аспирантуре. Кстати, учебу эту Галкин так и не закончит, поскольку цель такая перед ним изначально и не ставилась. Главным было – избежать армии, чтобы утвердиться на эстраде. Ведь это наивно – подозревать практичного еврея Галкина в том, что он в конце 90-х собирался связать свою жизнь с наукой. Профессия эстрадного артиста была куда более перспективна в плане завоевания материальных благ, чем стезя ученого. Последние в постсоветской России пребывали в плачевном состоянии, буквально сводя концы с концами. Лучшие из них старались искать счастье за пределами родного Отечества, чего Галкин делать никак не хотел – он мечтал стать полезным именно у себя на родине. Как говорится, где родился – там и пригодился. А пригодиться он мог исключительно как пародист. Тем более что его карьера на этом поприще упрямо стремилась в гору.

Известно, что в любой сфере российского (впрочем, и любого другого тоже) шоу-бизнеса важно прислониться к крепкому плечу. И такое плечо для Галкина нашлось еще до его знакомства с Аллой Пугачевой. Случилось это в 1998 году, когда на него обратил внимание сатирик Михаил Задорнов – весьма влиятельная персона в эстрадном мире (впрочем, не только в нем). Задорнов входил в ближайшее «теннисное» окружение президента Ельцина – играл с ним в теннис и попутно смешил своими рассказами. За это Ельцин разрешил ему поселиться в том же элитном доме, где жил сам – на Осенней улице в Москве. Естественно, что содружество с таким человеком, как Задорнов, открывало перед Галкиным хорошие перспективы на будущее. Ведь Максим собирался делать упор в своем творчестве на политическую пародию, а здесь без консультаций доверенных лиц, «приближенных к императору», обойтись было нельзя. В этом жанре шутить требовалось тонко, иначе можно было «огрести толсто» – враз лишиться покровительства, а значит, и карьеры.

Задорнов увидел выступление молодого пародиста на вручении премии «Овация» в концертном зале «Россия» и настолько был пленен его талантом, что тут же пригласил Максима выступать в своих сольных концертах с «политическими» пародиями. И в течение полутора лет они колесили по стране вместе. По словам Галкина: «Безусловно, Задорнов дал мне хорошую школу. Своим личным примером».

Помимо «школы» Задорнов открыл перед Галкиным две-

ри многих кабинетов, куда без него молодой пародист вряд ли вошел бы. А если бы и вошел, то не столь быстро, как того ему хотелось.

Впрочем, помогали нашему герою не только люди посторонние, но и родные. Например, его отец, Александр Александрович – в 1997 году он покинул пост начальника Главного автобронетанкового управления МО РФ и стал советником генерального директора ГК «Росвооружение». Именно оттуда он шагнул в члены правящей партии «Наш дом – Россия», чтобы в 98-м стать от нее депутатом Государственной Думы РФ второго созыва. Естественно, близость отца к ведущей политической силе в стране прибавляла его сыну дополнительного веса в общении с коллегами. И хотя сам отец напрямую и не был «толкачом» для своего сына (то есть не звонил нужным людям по поводу трудоустройства Максима), однако те, кому положено, и без всяких звонков понимали, что от них требуется в этом мире, где ценятся личные связи. В одном из своих интервью М. Галкин расскажет:

«Когда я уже стал известен в узких кругах, отцу никогда не приходило в голову составить мне протекцию, хотя он был знаком и с Кобзоном, и с Винокуром, и с директором концертного зала «Россия» Петром Шаболтаем. Он организовывал День танкиста, и только на какой-то энный раз ему вдруг пришло в голову, что сын тоже может выступить...»

А тут еще и старший брат Максима Дмитрий в это же самое время открыл в Москве продюсерский центр «Центум»,

от лица которого предложил брату сначала просто вести концерты, а когда у него дела пошли в гору, и вовсе выступать с сольной программой. Так ступенька за ступенькой, благодаря своему таланту и помощи родных и друзей, Максим взбирался на эстрадный Олимп. К тому же само время благоволило тогда к таким, как он. И здесь следует несколько слов сказать о российском юморе постсоветских времен, который, как ни странно, был непосредственно завязан на большую политику, поскольку этот юмор – сфера идеологии.

Как известно, в декабре 1991 года прекратил свое существование СССР. Причем это была вовсе не добровольная самоликвидация великой империи, а акт капитуляции советской элиты перед западной, а точнее – перед американской. Именно Штаты стали победителями в «холодной войне», которая длилась с марта 1946 года и теперь, на правах победителя, имели полное право установить над Россией собственное правление (благо было ради чего это делать – огромные российские ресурсы всегда привлекали к себе взоры Запада). С учетом русского менталитета, который плохо воспринимает любой внешний диктат, был избран вариант *ненавязчивой оккупации*. То есть во главе страны была оставлена российская элита, однако руководить страной она должна была при помощи американских советников. Кто был не согласен с таким вариантом, из рядов элиты безжалостно вычищался (вроде министра В. Полеванова, который слишком сильно возмущался засильем западных советников в структурах

российского правительства).

В итоге экономику России «верстали» так называемые «чикагские мальчишки»: Е. Гайдар, А. Чубайс, П. Авен и другие деятели, прошедшие подготовку у чикагских экономических инструкторов. Именно по указке последних в России была проведена приватизация, которая на самом деле была «прихватизацией» – самой настоящей формой контрибуции побежденной страны (России) в пользу победителя (Запада): все приватизированные предприятия автоматически переходили в иностранную юрисдикцию. Американцы многим странам доверили владеть механизмами собственности в Российской Федерации: Франции, Англии, Кипру, Германии и т. д. – однако каждая из этих стран должна была делиться выкачиваемыми из России ресурсами, с «паханом» – Америкой.

Разве что малый бизнес в России нес в себе элементы национального, а крупный находился под иностранной (американской) юрисдикцией. Все семь российских олигархов, которые баснословно разбогатели в ельцинские годы и составили так называемую *семибанкирцину*, были назначены Западом и все свои счета обязаны были держать за пределами СССР чтобы: 1) быть подконтрольными Западу и 2) питать западную экономику. Впрочем, и Центральный банк России тоже был отделен от государства и до сих пор подлежит Нью-Йоркской судебной юрисдикции.

Та же ситуация была и в области идеологии. Например,

все телеканалы России были отданы в руки людей, которые жили в Москве, однако обязаны были регистрироваться в иностранной юрисдикции, то есть находиться под контролем Соединенных Штатов (в бюджете Америки заложены деньги на управление российскими средствами массовой информации). Официальный статус у них – «управляющий имуществом иностранной компании в Российской Федерации», хотя, повторимся, у них у всех были российские паспорта. Хотя у некоторых было двойное гражданство, как, например, у телеакадемика Владимира Познера – российское и американское. Поэтому львиная доля телепрограмм в постсоветской России – клоны западных передач. Таким образом, Западу легче обрабатывать мозги россиян в нужном для них направлении – колониальном.

Идентичная этому ситуация сложилась и с печатными СМИ, где пальма первенства была отдана «желтой прессе», как самому эффективному способу манипулирования сознанием людей. Не остался в стороне и юмор, перед которым была поставлена все та же задача – уводить мысли людей подальше от серьезных умозаключений. Впрочем, все это можно объяснить не только мировым заговором против проигравшей холодную войну России, но и новыми мировыми реалиями, а именно – сменой эпох, когда вместо *модерна* пришел *постмодерн*. Последний резко сменил прежние идеологические ориентиры, формируя новую реальность, а с нею и нового человека. Какого? Послушаем на этот счет рас-

суждения журналистки С. Замлеловой: «Речь идет не столько об измельчении рода человеческого, сколько о повсеместной человеческой тяге к расслабленности. Свободе, всегда требующей усилий и чреватой муками, человек предпочел чувственное раскрепощение. Постмодернизм, призывающий подменять реальность разного рода имитациями, принес новое понимание свободы и радости. Человечество не хочет более постижения сущего, с него довольно немудреных удовольствий. Вот почему творчество обращается не к разуму, а к инстинктам... В эпоху постмодернизма в творчестве перестает цениться то, что ценилось в классическую эпоху...»

СССР дольше всех сопротивлялся наступлению постмодерна, но и он все-таки пал под его натиском. С этого момента инстинкты возобладали и у нас. Поэтому юмор скатился к примитивным темам «ниже пояса», впрочем, как и все остальные жанры и виды искусства. Даже сатира вульгаризовалась, превратившись в служанку все тех же инстинктов: ее миссией отныне стало: держать «на крючке» верховную власть, чтобы по возможности способствовать ее осмеянию, дискредитации в глазах обывателя. Хотя, скажем прямо, российская власть дискредитировала себя и без всякой сатиры. Вот почему в конце 90-х сложилась такая ситуация, когда управлять по-старому для российской элиты стало уже невозможно – страна могла попросту взорваться. Запад это понял, поэтому способствовал тому, чтобы на смену вконец

растерявшему свою популярность (а также и здоровье) Борису Ельцину пришел более молодой и хваткий политик. Им стал бывший чекист (хотя известно, что бывших среди них не бывает) Владимир Путин, который стал президентом России в марте 2000 года.

Соглашаясь на эту рокировку, Запад прекрасно понимал все риски, которые могли этому сопутствовать. Ведь хотя Путин и был выходцем из прозападного собачаковского клана (в него же, например, входил и главный «прихватизатор» Анатолий Чубайс), однако в силу своих чекистских корней мог стать фигурой в какой-то мере самостоятельной. Однако за те десять лет, что Запад хозяйничал в России, ее элита (да и значительная часть населения) была уже настолько сильно опутана западными «цепями», что бояться выхода России из подчинения Западу не приходилось. Путин, конечно, мог взять курс на некое поднятие духа национального самосознания у россиян, но кардинально переломить ситуацию ему бы никто не дал. Впрочем, он тогда к этому и не стремился.

Приход к власти Путина несколько изменил вектор развития российской идеологии. В том числе и в области юмора. Нет, последний не стал исповедовать гуманистические и высокоморальные принципы, но в части политической сатиры резко изменился. Например, сошли на нет три ярких представителя этого жанра: Геннадий Хазанов, Михаил Грушевский и Виктор Шендерович.

Хазанов и Грушевский одними из первых начали паро-

дировать широко известных политических деятелей нашей страны. На эту стезю они вступили еще в годы перестройки, в конце 80-х, пародируя Ленина, Сталина, Брежнева, Горбачева, Ельцина, Хасбулатова, Лебедя, Жириновского и др. В середине 90-х Хазанов несколько отошел от этого жанра, а Грушевский продолжил эксперименты в этом направлении. В 1994 году он выпустил сольную программу «Один за всех», куда вошли номера, в которых «звучали» голоса, как политиков, так и популярных артистов. Кстати, именно Грушевский первым на постсоветской эстраде начал пародировать (весьма по-дружески) Бориса Ельцина, за что удостоился статьи в центральной прессе («Первый, кто покусился на президента», журнал «Столица», 1993, № 52).

В этом же жанре тогда работал и другой сатирик-еврей – драматург Виктор Шендерович, который затеял на ТВ (на канале НТВ, принадлежавшем его соплеменнику, олигарху Владимиру Гусинскому, за спиной которого стояли США и их верный союзник Израиль) передачу «Куклы», где за политиков «говорил» Сергей Безруков. Это была одна из самых язвительных пародийно-сатирических передач, где действующих политиков, что называется, не жалели: иные пародии на них были настолько злыми, что вызывали оторопь у публики. Даже прародитель российских «Кукол» – английская телепередача с тем же названием – не позволяла себе таких острот, которые звучали у Шендеровича. Все это было закономерно, учитывая то, о чем речь шла выше: Запад весь-

ма ревностно следил за собственными сатириками, зато российским позволял вести себя куда более раскованно, чтобы держать в известном напряжении российские власти.

Кстати, бытует мнение, что Ельцин был большим демократом, поэтому и не закрывал острые «Куклы». На самом деле это было не в его компетенции. Он хотя и был президентом, однако ему не позволялось вмешиваться в вопросы идеологии, за которые отвечали его западные хозяева. Вот он и не вмешивался.

Итак, деятельность Хазанова, Грушевского и Шендеровича на поле политсатиры длилась примерно десятилетие (1990—1999). Затем наступили иные времена, связанные с приходом к власти В. Путина. С его воцарением закатились звезды сначала Хазанова (в 98-м он ушел директорствовать в столичный Театр эстрады), Грушевского, а затем и «Кукол» Шендеровича (последняя была закрыта в 2003 году, как и другое его энтэвэшное детище – передача «Тушите свет!»). Злая и саркастическая пародии уходили в небытие, чтобы уступить место пародии иронической. Таким образом Путин отвоевал себе право не только отодвинуть от власти наиболее одиозных олигархов (Б. Березовского, В. Гусинского, М. Ходорковского), но и тех сатириков, которые могли покуситься на его харизму национального лидера.

Максим Галкин работал в жанре иронической пародии, поэтому именно его талант и окажется наиболее востребованным при новом правителе, именно ему будет определено

свыше (с кремлевского верха) стать в новом десятилетии законодателем моды в жанре пародии. Ведь то, как он пародировал известных артистов или политиков, в целом не несло в себе явной или скрытой угрозы для последних, и даже более того – подспудно работало на увеличение их популярности. Эту манеру Галкина сразу распознал Задорнов, который в ту пору и сам работал в этом же стиле (более критичным он станет чуть позже), и осенью 1999 года даже назвал Галкина своим преемником (хотя сам сатирик уверяет, что это было сказано в шутку).

Итак, с уходом ельцинской эпохи должна была уйти и небытие и злободневная сатира. Отныне юмор должен был стать каким угодно – ироничным, стебанутым, даже похабным – но *юмор на злобу дня* из официального эфира должен был исчезнуть. И Максим Галкин здесь был далеко не одинок, поскольку вместе с ним на авансцену постельцинского юмора вышла большая плеяда молодых юмористов, которым помогли выйти на сцену корифеи жанра. Вот как об этом вспоминает один из них – Евгений Петросян:

«Когда я впервые увидел юного Максима Галкина на сцене, по-моему, это было в 97-м году, я сразу попросил его прийти ко мне в гримерку. Мне достаточно было трех минут его выступления, чтобы понять, что у нас в юмористическом жанре пополнение. Когда в 99-м году все газеты вторили одному уходящему из жанра артисту, что жанр юмора умер (речь идет о Геннадии Хазанове. – Ф. Р.), мы с Евге-

нием Шебагутдиновым предложили в Комитете по культуре провести конкурс юмористов и разобраться – жанр все-таки умер или не умер, да здравствует жанр! Провели... И конкурс стал событийным. Можно сказать, мы открыли тогда имена нынешнего юмористического поколения. Лауреатами стали Максим Галкин, Сергей Дроботенко, Юрий Гальцев, Геннадий Ветров, Сергей Чванов, Игорь Касилов (сейчас двое последних – это «Новые русские бабки»), Виктор Разумовский и Александр Морозов, составлявшие клоунский ансамбль «Братья по разуму», Святослав Ещенко, Андрей Данилко – тогда еще юморист, братья Александр и Валерий Пономаренко, клоунские ансамбли «Лицедеи-Лицей» и «Унисон»...».

Это вполне естественно, что после ельцинского десятилетия бандитского беспредела в России должна была наступить эпоха с обратным показателем – время относительного спокойствия. И хотя колониальная зависимость России никуда деваться не собиралась и даже более того – должна была усилиться, однако все это должно было происходить завуалированно и сопровождаться патриотической риторикой. И юмор должен был из сферы политики перейти в сферу быта. Он должен был стать одним из элементов шоу-бизнеса, который начал реально складываться в России именно на закате ельцинской эпохи – в самом конце 90-х (если точнее – после дефолта августа 1998 года). Поэтому заработки юмористов (впрочем, как и всех остальных представителей

шоу-бизнеса) должны были стать значительно выше, чем у их предшественников, поскольку только таким образом власти могли купить лояльность молодого поколения артистов. То есть властью декларировалось следующее: куй большие бабки любыми способами, но в большую политику не лезь.

Первый заметный номер Галкина о политиках был явлен широкой публике все тем же Задорновым в самом начале апреля 2000 года на «Кубке юмора». Галкин пародировал пятерых российских политических фронтмэнов, делавших «погоду» в то время: Бориса Ельцина, Виктора Черномырдина, Владимира Жириновского, Григория Явлинского, Егора Гайдара. К этому сонму политиков-мужчин была добавлена и одна женщина-оппозиционер – Валерия Новодворская. Скажем прямо, всех шестерых Максим копировал почти «в ноль» – то есть, весьма похоже на оригиналы. Причем речь идет как о голосовом сходстве, так и о внешнем. Неплохо выглядели и тексты, которые сочинил сам Галкин. Выигрышнее всех в этой компании смотрелся пенсионер Ельцин, которого Галкин изображал как снисходительного и доброго дедушку – отца русской демократии, который пытается примирить остальных персонажей друг с другом.

Говорят, Ельцину эта пародия понравилась, что уже было немаловажно. Он хотя и был пенсионером, однако на самом деле все еще «рулил» политикой через свою Семью – членов собственного клана, оставшихся во власти после его ухода. Если бы Галкин допустил оплошность и «высек» Бориса Ни-

колаевича, его карьера завершилась бы, едва начавшись. А так покровительство Ельцина позволило Галкину и дальше заниматься своим делом – пародировать действующих политиков. После того, как Ельцин «дал отмашку» Галкину, другим жертвам его пародий уже не оставалось ничего иного, как смириться со своей участью и разрешить молодому пародисту «трепать» свои лица на эстраде. Хотя обиженные, конечно же, были. Например, премьер-министр РФ Виктор Черномырдин какое-то время никак не мог смириться с тем, как представляет его на сцене Галкин: этаким косноязычным тугодумом. И порой при встречах выражал молодому артисту свое неудовольствие. По словам Галкина:

«В декабре 2000 года меня пригласили на новогодний прием в Кремль, к Путину. Как раз на том приеме меня заловил Черномырдин, он был с супругой... Увидел меня – а до этого я его (копируя голос Черномырдина) хорошо достал со сцены – и говорит: «О-о-о, во-о-от он!». А его супруга: «Витя, надо его здесь прямо убить, пока есть такая возможность...»

Но, как мы знаем, никто Галкина не убил, даже попытки такой не предпринимал, хотя покушался он, как уже отмечалось, на персоны весьма влиятельные. Однако повторимся: его ироничные пародии могли раздражать отдельных фигурантов, но не более того. Если бы они вызывали у них ненависть (как это было, к примеру, в случае с пародиями Шендеровича, которые возмутили Путина), то с Галкиным посту-

пили бы точно так же, как и с «Куклами» – убрали бы с глаз долой. Его же, наоборот, не только пригласили в Кремль выступить перед самим Путиным, но и сделали корифеем жанра, причем руку к этому приложил главный телеканал страны – Первый, который из собственности олигарха Бориса Березовского постепенно перешел в руки Путина и К°. Впрочем, не будем забегать вперед.

Как мы знаем, приход к власти Путина положил конец чеченской войне. Однако незадолго до ее окончания – в феврале 2001 года – Галкину суждено было слетать в Грозный в качестве миссионера от культуры. По его словам:

«Я действительно был в Чечне, но не то чтобы на передовую выезжал... Меня пригласил Михаил Швыдкой (министр культуры РФ в 2000—2004 годах. – *Ф.Р.*), и мы полетели туда и были действительно под Грозным, аэропорт «Северный». И ребята очень хорошо реагировали. Это было в ангаре, конечно, условий не было никаких, был февраль, очень холодно, они все бедные мерзнут там, но они замечательно реагировали. Я выступал с тем же, с чем выступаю здесь, в Москве, в любом концерте, и выступали и там, и в палатках для раненых... И как они могут реагировать? Конечно, смеялись...»

Здесь обратим внимание на упомянутого вроде бы всеу Михаила Швыдкого – весьма влиятельного еврея в составе нового путинского правительства. С ним у Галкина было столько параллелей, что они просто не могли не стать ес-

ли не близкими друзьями (этому мешала большая разница в возрасте – Швыдкой старше Галкина на три десятка лет), то, во всяком случае, большими симпатизантами друг друга. Во-первых, по родству крови. Во-вторых, у обоих отцами были военные. В-третьих, их связывали сразу два высших учебных заведения – РГГУ (Галкин был его студентом в 1993—1998 годах, а Швыдкой числился там же профессором) и МГУ (Галкин был там актером Студенческого театра, а Швыдкой является научным руководителем университетского факультета – Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере). На основе этих параллелей они и сошлись, что сослужило Галкину хорошую службу: близость к Швыдкому и хорошее его расположение позволили ему расширить число полезных связей в высшем российском истеблишменте, и особенно на ТВ, где у Михаила Ефимовича множество влиятельных друзей. Что неудивительно, учитывая тот факт, что на ТВ Швыдкой впервые попал еще при Советской власти – в 1967 году, а ровно три десятилетия спустя (в 1997-м) стал сначала зампредом ВГТРК, а год спустя – и вовсе ее председателем (именно оттуда он в феврале 2000 года и «скакнул» в министерское кресло).

При посредничестве Михаила Задорнова Галкин попал в передачу «Вот и все 3000» на канале РЕН-ТВ, при помощи Евгения Петросяна – в «Смехопанораму» на Первом канале. Но это были разовые попадания, которые, по большому счету, погоды не делали. Чтобы стать по-настоящему ме-

дийным лицом, Галкину необходимо было стать телеведущим, который появлялся бы в «ящике» регулярно. И здесь помощь Швыдкого оказалась неоценимой. Дружба с ним помогла-таки Максиму пробиться на главный телеканал страны – на Первый не в разовом порядке, а на постоянной основе. Случилось это в самом конце 2000 года. Именно тогда Первый перекупил у НТВ популярную передачу «Кто хочет стать миллионером?» и отказался от услуг ее прежнего ведущего – Дмитрия Диброва.

Тогда вообще наступали такие времена, когда на смену замыленным еще в ельцинские времена телеперсонам, вроде того же манерного Дмитрия Диброва или отвязного Николая Фоменко, начали приходить новые персоны – более респектабельные Максим Галкин или Андрей Малахов (последний, кстати, проходил стажировку в США, что весьма показательно: кадры для «желтой» российской журналистики, как мы помним, «ковались» именно там). Причем оба они попали служить на Первый канал. Однако у Галкина это получилось чуть раньше: в качестве ведущего популярной передачи «Кто хочет стать миллионером?» он дебютировал в феврале 2001 года.

Обратим внимание на эту дату, поскольку это было временем, когда Галкина начали активно тянуть вверх. В декабре 2000-го его удостоили чести веселить кремлевских небожителей и тогда же он подписал контракт с Первым каналом. На тот момент на его банковском счету лежала уже не од-

на сотня тысяч долларов и до миллиона «баксов» не хватало всего-то чуть-чуть. Работа в «Миллионере» его в итоге и сделает долларовым миллионером, что тоже было закономерно: западные хозяева-оккупанты были заинтересованы в том, чтобы российские «звезды» были привязаны к доллару, получали их помногу, после чего должны были держать их в западных банках, дабы они работали на западную экономику. Типичный вариант колониальной зависимости.

Минута рекламы на Первом канале равнялась 50 тысячам долларов. В передаче «Кто хочет стать миллионером?» реклама занимала 20 минут эфирного времени. Получается – 1 миллион долларов. Из этих денег Галкину поначалу предназначалось 5 процентов – 50 тысяч долларов за передачу (чуть позже эти проценты станут стремительно расти). В месяц таковых выходило четыре передачи – 200 тысяч «баксов». В год на счет пародиста «капало» порядка 2 миллиона 400 тысяч долларов. Зарплата целой горбольницы за несколько месяцев работы. Или средней школы. Вот таким образом оценивался труд в постсоветской России: один пародист стоил в тысячу раз дороже, чем сотня врачей или учителей. Скажем прямо, не хилая экономика пришла на смену советской. Главное – «справедливая».

Вслед за первым галкинским миллионом начнут приходить и последующие, незначительную часть из которых он материализует в своем средневековом замке, расположенном в деревне с весьма неблагозвучным названием Грязь.

Впрочем, об этом «чуде архитектуры» мы подробно поговорим в свое время, а пока вернемся к тому моменту, когда Галкин еще только подступался к своему многомиллионному состоянию.

Дебют в «Кто хочет стать миллионером?» совпал с другим заметным событием в жизни Галкина: вручением ему премии «Триумф». Здесь с полным основанием можно сказать, что награда нашла своего героя. В момент получения им этой награды, Галкин уже стоял на пороге своего будущего триумфа, начало которому и положила одноименная премия. Этапы этого пути выглядели следующим образом. Спустя несколько дней Максим дебютирует в передаче «Кто хочет стать миллионером?», в апреле удостоится юмористической премии «Золотой Остап» в Санкт-Петербурге, а в июле встретит женщину, которая и превратит всю его дальнейшую жизнь в один сплошной триумф. Имя этой особы мы все хорошо знаем – Алла Пугачева.

Часть вторая

Из грязи в князи

Колониальная любовь

В апреле 2001 года, когда Максим Галкин заполучил в свои руки «Золотого Остапа», Алла Пугачева была вот уже семь лет замужем за молодым певцом Филиппом Киркоровым. Свой брачный союз они скрепили в январе 1994 года, ошеломив им буквально всю страну. Никто из бывших жителей СССР не мог себе представить, что примадонна российской эстрады из всех возможных кандидатов (а их было много, причем среди них были люди достаточно солидные и состоятельные) выберет, пусть уже известного, но весьма женственного и нарциссообразного Филиппа Киркорова, годящегося ей в сыновья (ему в ту пору было 26 лет от роду, и он был моложе своей именитой супруги на 18 лет). Короче, уже тогда люди ломали головы над вопросом: со стороны Пугачевой это что – блажь или действительно любовь? Впрочем, в последнюю версию мало кто верил, предпочитая искать в этом поступке примадонны скорее материальные причины, чем романтические. Спустя много лет Пугачева и сама подтвердит эти выводы, заявив о своем браке с Киркоровым

следующее:

«Всю жизнь не любила такой тип людей, такой тип поступков, мне вообще все в нем (Киркорове. – *Ф. Р.*) не нравилось и сейчас не нравится. Не знаю, что с моими мозгами было...»

На самом деле с мозгами у Аллы Борисовны как раз все было нормально. Замужество за Киркоровым с ее стороны было очень удачным и просчитанным ходом, который был выгоден ей буквально со всех сторон. Во-первых, он поднял ее слегка подзабытое средствами массовой информации имя сразу на много ступеней вверх, во-вторых – объединял ее капиталы с капиталами рвущегося в «короли» эстрады Киркорова (эти капиталы Пугачева теперь могла не только удесятить посредством впаривания новоявленного супруга всем медийным компаниям, но и заполучить в свое безраздельное пользование – то есть здесь она выступала как продюсер), и, наконец, в-третьих – любовь с человеком, годящимся ей в сыновья, должна была тешить физиологию примадонны как никакой иной брак.

Итак, со стороны Пугачевой это замужество было браком по расчету. Причем за ним стоял не только расчет самой примадонны, но и многих заинтересованных деятелей в лице политиков, олигархов и медиамагнатов, кои, будучи гражданами России, на самом деле были вассалами Запада, который их руками активно «подсаживал» россиян на «иглу» бульварщины. Напомним, что на дворе стояло начало 1994 года – время становления постсоветской олигархической России,

государства, исповедующего идеи, весьма далекие от идей справедливости и гуманизма. Олигархическая Россия строилась на основе циничного и бессовестного грабежа миллионов людей, которых для легкости ограбления требовалось сначала массово оболванить, чтобы грабеж воспринимался ими не как преступление, а как благо. И здесь без активного участия СМИ обойтись было никак нельзя.

В итоге в России появилась своя «бульварная» или «желтая» пресса, которая включала в себя не только печатные СМИ, но также телевизионные и радишные. А как может существовать «желтая» пресса без своих «королей и королев сенсаций»? Никак. Поэтому в качестве такой королевы и была выбрана Алла Пугачева – безоговорочный фаворит зрительских симпатий еще с советских времен. Человек, который, собственно, и стоял у истоков зарождения советского скандального пиара еще в конце 70-х. С распадом СССР имя Пугачевой несколько померкло, отодвинутое в сторону более молодыми «звездами». Однако к началу 90-х стало ясно, что ни одна молодая «звезда» так и не сумела сравняться по популярности с Аллой Борисовной. К тому же среди поклонников Примадонны было значительное число бывших советских граждан, которых новым хозяевам жизни требовалось «перевоспитать» – превратить из «совков» в «хапков». И лучше Пугачевой проделать это никто бы не смог. Короче, скандальное замужество за Киркоровым (представителем той самой молодой поросли «звезд») гарантировало ей воз-

вращение на первые страницы «желтых» (и не только) таблоидов. Короче, овчинка стоила выделки.

Итак, становление российской «желтой» журналистики происходило по лекалам западной. Последняя имела богатую историю: она сформировалась более столетия назад и за это время наработала огромный опыт не столько по части развлечения многомиллионных масс населения, сколько по части их оболванивания. Здесь она разительно отличалась от советских СМИ: те все-таки стремились в первую очередь просветить население, а не оболванить, в то время как западная – наоборот. Перед постсоветскими СМИ была поставлена задача взять за аналог именно западный вариант, поскольку болван – легкая добыча для любого мошенника, коих в олигархической России развелось несметное количество, причем как своих собственных, так и зарубежных. Но главное – эти мошенники получили в свои руки власть.

Однако вернемся к нашим «баранам» – то бишь в поп-индустрию. В 80-е годы на Западе главным «королем» по части делания поп-сенсаций был американский певец Майкл Джексон. Без сомнения, не только один из талантливейших исполнителей, но и виртуоз по части оболванивания миллионов людей. Одна его «перекраска» из черного человека в белого дорогого стоила – во многом именно она (а не творчество) сделала из Джексона главного героя всех таблоидов. Даже люди, которые на дух не переносили его песни, вынуждены были жадно следить за выпусками новостей, чтобы убе-

диться в том, что это чудо возможно – смена цвета кожи, переход из цветных людей в белые.

Обратим внимание, что именно Майкл Джексон – первая звезда международного масштаба – прибыл в олигархическую Россию буквально накануне сенсационного замужества Аллы Пугачевой и Филиппа Киркорова. Случилось это в середине сентября 1993 года. Согласно легенде, Джексона пригласила никому не известная российская компания «Десса», которая не имела никакого отношения к шоу-бизнесу – это была фирма, занимающаяся торговыми поставками. На самом деле за «Дессой» стояли западные кукловоды, которые запустили Джексона в Россию именно для того, чтобы дать толчок развитию здесь медийного бизнеса не черного или белого цветов, а именно «желтого».

Против «Дессы» объединились практически все российские структуры шоу-бизнеса (фирмы, возглавляемые такими людьми, как Стас Намин, Борис Зосимов и др.), однако «Десса» победила их всех – предложила Джексону неподъемный для других гонорар в 1 миллион долларов. Однако в итоге «отбить» их так и не сумела, после чего вскоре после отъезда поп-короля прекратила свое существование. Как говорится, мавр сделал свое дело – мавр должен умереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.